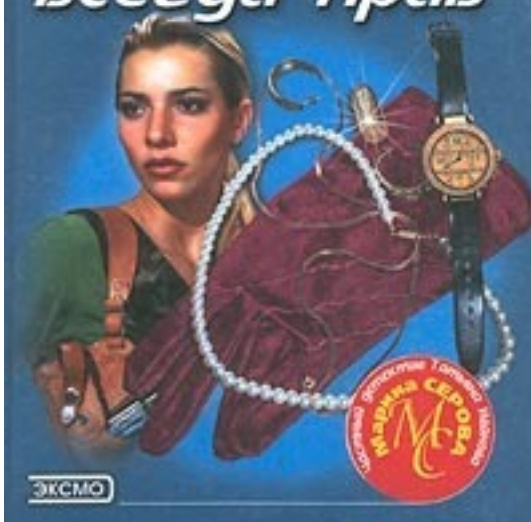

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

**Марина
СЕРОВА**

*Клиент
всегда прав*

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Клиент всегда прав

«Научная книга»

Серова М. С.

Клиент всегда прав / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Это была сенсация! Вероника Дюкина в прямом эфире призналась в убийстве своего мужа Альберта, владельца местного телеканала. Частный детектив Татьяна Иванова, которая занималась по просьбе отца убитого расследованием этого дела, совсем запуталась. Тем не менее, два звена одной цепи: факт любовной связи Дюкина с сурдопереводчицей и его убийство, совершенное Вероникой, казалось, следовали друг за другом. Вполне возможно, что, отправившись на дачу и застукав там мужа с Зарубиной, она выстрелила в Альберта, движимая ревностью и мстью. Неужели это банальное убийство на любовной почве?.. Но Татьяна уверена, что эта история с двойным дном...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Серова

Клиент всегда прав

ГЛАВА 1

Она сидела в аэропорту и вспоминала свое детство. Вокруг сновали озабоченные люди, то и дело объявляли прибытие и отбытие самолетов, в синем сентябрьском небе гудели мощные двигатели, но она ничего не видела и не слышала. Перед ней возникло счастливое лицо ее матери. Она никогда не забудет того лета, проведенного на Солнечном берегу. Она, мать и Алексей Степанович, которого ей представили в качестве ее будущего отчима, поехали по туристической путевке в Болгарию. До этого она никогда не видела моря. Гладкая, упругая кожа матери уже через пару дней покрылась ровным золотистым загаром. И это несмотря на то, что она была натуральной блондинкой. В ее ушах зазвучал ласково-наставительный голос матери, пишущей очередной пейзаж: «Вот это берлинская лазурь, видишь, какая она прозрачная и чистая? А это марс оранжевый. Правда, он восхитителен? Посмотри, как он сияет! Та-ак, – тон матери становится беспокойным, – здесь пойдет охра и коричневый, и тогда мы получим нужный переход. А если сверху положить хром...»

Улыбающиеся голубые глаза матери, красивый разрез которых сводил с ума мужчин, и нос с горбинкой – ей, маленькой девочке, казалось, что вся строгость и властность характера этой сказочной блондинки исходят от ее гордого профиля и немного жесткой линии губ, – в ее воображении были несколько размыты и смешивались с синевой моря, южных сумерек и тонкими очертаниями гор в утренние часы. Тогда мать носила широкие белые рубашки и парусиновые туфли. Подвитые белокурые пряди свободно падали на плечи, оттеняя их смуглую позолоту. Тогда она еще не была мадам Левицки, не посещала модных тусовок и не выставлась в престижных галереях Мюнхена и Милана, Парижа и Нью-Йорка. Тогда она еще была ее мамой...

Сколько же лет прошло!

Она вздрогнула, услышав резкий голос матери – он становился таким, когда она спорила со своими друзьями-художниками, отстаивая свои убеждения: «Дали учил, что последние мазки должны быть максимально прозрачными, а потому наносить их следует более жидкой краской. Вы можете не слушать меня, но Дали-то!»

В застойные времена авангардистов не жаловали. В восьмидесятом году ей, родившейся в семье талантливой художницы и начинающего поэта, было пять лет. Это потом она узнала, что ее мать была одной из немногих молодых смелых художников, которые отстаивали свои убеждения, рискуя оказаться в психиатрической клинике. Мать увлеклась поэзией и сама писала стихи. Кроме того, она профессионально занималась скульптурой и даже сделала серию скульптур из глины, впрочем, так и не отлитых в бронзу.

Отец вскоре запил и сгинул. Несколько раз после развода мать видела его на проспекте, о чем сообщила дочери позже. У него был сумрачный и недовольный вид, он превратился в настоящего алкоголика – неопрятный, с помятым лицом и всклокоченными волосами. Мать всегда проходила мимо, отвернувшись от него или перебегая на противоположный тротуар.

Когда Веронике исполнилось семь лет, появился Алексей Степанович. Мама влюбилась в него без памяти. Она готова была следовать за ним куда угодно. Алексей Степанович работал главным редактором художественного журнала «Тарасовские маяки». Он был старше матери на восемь лет. Обаятельный, но самовлюбленный, не глупый, но полный предрассудков, целеустремленный, но порой до ужаса циничный, он способствовал тому, чтобы мать узнали в художественных кругах. Благодаря ему она открыла мастерскую и, не считаясь ни с чьим мнением,

стала экспериментировать. Алексей Степанович иногда снисходил до того, чтобы бросить ей несколько насмешливых советов и ироничных замечаний, смотря на творения своей жены как на своего рода простительные чудачества молодости и стремление самоутвердиться, ниспровергая «вечные» ценности. Но потом, видя, что живопись его возлюбленной становится день ото дня все менее понятной и все более, как он выражался, «шаловой», схватился за голову. А тут, как нарочно, пришло приглашение из Франкфурта. Маму приглашали принять участие в тамошней выставке. Отчим запретил Эльвире ехать в Германию и вообще стал требовать от нее отказаться от живописи, потому что ничего замечательного он в ее искусстве не обнаруживал.

Вероника стала свидетельницей настоящей драмы. А несколько дней спустя он погиб в дорожной аварии. Заснул за рулем своей «Волги» и врезался во встречный «КамАЗ».

Мать жутко переживала. А приглашение по-прежнему лежало в ящике ее стола. И она решила – поехала в Германию. Чтобы отвлечься, как она сказала. Это было в ее духе. Другая бы сломалась, стала биться головой о стену, закрылась бы в четырех стенах и выла белугой, но матери, как человеку творческому, был свойственен тот царственный эгоизм, доходящий до полного равнодушия по отношению к своим близким, что часто отличает гордые души и заставляет их жить согласно собственным желаниям и стремлениям.

Мать была заносчивой и по-мужски неуступчивой...

«Она сильный человек», – подумала Вероника и поежилась.

И мир ей воздал за эту живучесть и бойцовский характер. Она стала известным художником и скульптором. Издала три книги стихов. Ее знают в Париже и Нью-Йорке, откуда она начала свое продвижение вверх по лестнице признания и баснословных гонораров. Во Франкфурте она познакомилась с одним критиком, американцем. Он проникся к ней симпатией, а от ее картин пришел в восторг. Через год они поженились, и мать переехала в Нью-Йорк. А в последние годы она обосновалась в Париже, купила особняк на острове Сен-Луи, завела любовника, дельца от шоу-бизнеса. Вероника была словно вычеркнута из ее жизни. Ее воспитывала бабушка, а потом и та умерла. Теперь Веронике двадцать пять, у нее преуспевающий муж, шикарная квартира в центре города, хорошая работа – она диктор на местном телевидении.

Но, несмотря на жизненный успех и неплохие перспективы на будущее, в душе Вероники саднила старая рана, которая с каждой посланной матерью открыткой приобретала новые оттенки. «Как в живописи», – горько усмехалась Вероника, читая неразборчивый и торопливый материнский почерк.

«Ты не представляешь, как здесь мило. Тишина, чистая речка с живописными берегами, средневековая деревня. Не могу избавиться от русского акцента. Жюльен смеется, он такой шутник! Ах, если бы ты видела все эти церквушки, домики, все эти уютные дворики и почти игрушечные мостики! Целую. Твоя сумасшедшая мать».

Вероника спрятала открытку в сумочку от Шанель. Мать прислала ей эту дорогую вещь на день рождения. Как и свою фотографию, где она была снята на каком-то банкете. Со смесью жалости, сожаления и тайной радости Вероника отметила на лице матери приметы времени. Только глаза смотрели так же гордо и задиристо. На матери было шикарное черное платье, на плечах – боа из чернубурки, волосы были уложены в прическу, на обтянутых перчатками руках сверкали два бриллиантовых кольца и широкий платиновый браслет.

Вероника не могла понять, почему ее мать не позовет ее. Эта любовь на расстоянии выматывала ее. Любовь, похожая на пресную ватрушку... Уж лучше открытый конфликт с выяснением отношений, с битьем посуды! Мать не предприняла ни одной попытки объяснить свое легкомысленное, с точки зрения Вероники, поведение. В этом чувствовался тот самый забывчивый и потому порой такой обаятельный, при всей его жестокости, эгоизм, который, по мнению Вероники, наряду с талантом дал ее матери возможность вырваться из безвестности и бедности.

Известие о скором визите матери в родной город потрясло Веронику. Она привыкла жить в перманентном удалении от предмета своей любви и ненависти, поэтому весть о том, что госпожа Эльвира Левицки приняла решение посетить Тарасов и представить в залах Радищевского музея свои новые картины, повергла Веронику в смятение. Она то по-детски просто-душно радовалась, то приходила в ужас: что-то скажет мать о ее костюме, как будет держать себя, как отнесется к визиту Эльвиры Альберт и что скажет мать о нем? Ведь Вероника почти ничего не рассказывала мужу о своей матери, так, общие сведения, и чувств не показывала.

Вероника снова вздрогнула. Объявили рейс из Москвы. Мать предупредила Веронику, что о ее прибытии пресса пока не знает. Она хочет, мол, опередить всех хотя бы на один день и встретиться с дочерью тет-а-тет, без посторонней шумихи и помпы. Растроганность Вероники, усмотревшей во временном инкогнито своей знаменитой матери свидетельство любви и доверия, вскоре уступило место мучительному беспокойству. Не очередная ли это прихоть? И потом, она испытывала самый настоящий страх при мысли, что останется с матерью наедине и все внимание последней будет приковано к ее скромной персоне.

«Но ведь она же моя мать!» – вознегодовала сама на себя Вероника. Она заставила себя встать и пошла к выходу. Кораллового цвета костюм отлично сидел на ее стройной фигуре, открывая немного острые колени. Итальянские туфли комфортно облегли стопу. Но Веронике казалось, что юбка топорщится, вырез пиджака излишне глубоко открывает грудь, а каблуки туфель вот-вот подвернутся и она упадет на пол. Сердце рвалось из груди. На миг она подумала, что хорошо бы достать из сумочки зеркальце и припудрить лицо. Она чувствовала на лбу выступившую испарину и капли пота между грудей.

«Ну не глупо ли так волноваться!» – прикусила она губу, застыв у двери, через которую уже начали выходить в зал вновь прибывшие. Она натянула на лицо непринужденную улыбку, но уже через секунду уголки ее губ обвисли. Она сделала еще одну попытку, но и на этот раз хорошей улыбки не получилось. От чрезмерного усилия улыбка вышла донельзя неестественной, приобретя какой-то страдальчески комичный оттенок. В общем, явилась жалким подобием того голливудского оскала, который сумела выработать Эльвира Левицки. Чувство испепеляющего презрения к самой себе прожгло сердце Вероники. Она опустила голову, глядя под ноги входящим.

– Вероника! – услышала она суховатый женский голос с едва уловимыми над-рывно-пафосными нотками. – Вероника!

С ударением на букве «о».

Вероника подняла голову и встретила взглядом с высокой подтянутой блондинкой, облаченной в элегантный темно-зеленый костюм. Ярко накрашенные губы улыбались, глаза – тоже. От их уголков к вискам бежало по две довольно глубоких морщины. В правой руке у дамы был изящный несессер, на плече висела маленькая сумочка.

– Мама! – услышала Вероника свой сдавленно-счастливый голос.

Она не успела толком разглядеть лицо матери, как оказалась у той в объятиях.

– Господи! – сладко простонала Эльвира. – Как я рада тебя видеть!

– Я тоже, – Вероника немного отстранилась.

У нее щипало глаза от слез, в горле стоял ватный ком. Экзотический аромат Эльвириных духов затруднял дыхание подобно душной тропической ночи. Когда Вероника подняла глаза, то увидела, что постаревшее, но все еще красивое лицо матери мокро от слез, и ей стало нестерпимо жаль их обеих.

* * *

В одно из воскресений сентября, после обеда, мне позвонил школьный приятель Коля Лапидус. Фамилия у него такая – Лапидус. Я как раз размышляла, сидя перед экраном теле-

визора, не выйти ли мне куда-нибудь прошвырнуться. Погоды стояли хорошие, и я подумывала, не прогуляться ли по набережной великой русской реки, дабы насладиться последними теплыми лучами и подышать свежим воздухом.

Убавив громкость телевизора, я положила пульт дистанционного управления рядом с собой и сняла трубку, гадая, кто бы это мог беспокоить меня в воскресенье.

– Алло, – я уже приготовилась услышать голос какого-нибудь очередного клиента, горевшего желанием найти убийцу своего родственника, но узнала Колю.

– Иванова, – радостно произнес он, – хорошо, что я тебя застал.

Когда-то у меня с Колей был скоротечный роман. Мы расстались друзьями, после этого Лапидус пару раз женился и оба раза неудачно, поэтому, помня о наших давних отношениях, изредка позванивал мне, чтобы поделиться своими горестями, проще говоря, поплакаться в жилетку. В юности он был подающим надежды скульптором, мыслящим неформально, но, закончив академию в Питере, стал рьяным академистом. Выбиться в большие скульпторы ему так и не удалось, но пристроился он неплохо: ваял памятники новым русским богачам. С ангелочками и дубовыми венками. А так как гибли они в своих разборках просто пачками, заказов у Лапидуса хватало. Не скажу, чтобы я очень обрадовалась его звонку, но и не расстроилась.

– Чего тебе, Лапидус? – меланхолично поинтересовалась я.

– Татьяна Александровна, я тебя официально приглашаю... – начал Лапидус, но я перебила его:

– Коля, к чему такие церемонии? Говори проще.

– Ладно, Таня, – покорно согласился Лапидус, – можно и без церемоний. У меня есть пригласительный на выставку. Пойдешь?

Коля был разносторонней личностью, интересовался искусством, поэтому его предложение меня не удивило. Скорее для профформы я поинтересовалась:

– Надеюсь, это не реализм? Этого добра хватает и в жизни.

– Обижаешь, Иванова, – вовсе не обидевшись, произнес Коля, – знаменитая художница Эльвира Левицки, между прочим – наша землячка.

Как раз за обедом я листала местную прессу, чтобы быть в курсе городских событий, и заметила маленькое объявление, в котором говорилось, что после большого перерыва в Тарасов со своими работами прибыла известная на Западе художница-модернистка. Ее работы выставлялись в крупнейших галереях Европы и Америки, и вот теперь, добившись успеха за рубежом, она возвращается в родной Тарасов. Было, правда, непонятно, навсегда ли знаменитая художница решила вернуться или это только короткий визит? Впрочем, это было не так важно.

– Тогда уговорил, – быстро согласилась я.

– Я и не сомневался, – самонадеянно заявил Коля, – собирайся, я скоро за тобой заеду.

– Пока, Лапидус, – я положила трубку.

Сколько времени нужно на сборы частному детективу, которого кормят не только голова, но и ноги? Правильно, немного. А если учесть, что этот детектив – женщина? Да еще с идеальной фигурой и незаурядным лицом, благородство черт которого намекало на незаурядный интеллект, питающий это самое лицо глубинным светом? Чуть больше. Короче говоря, когда минут через сорок в прихожей раздался нетерпеливый звонок, мне оставалось только надеть узкую короткую юбку, блузку и жакетик и поправить макияж, так, мелкие штришки. Накинув халатик, я поспешила к двери.

– Привет, – Лапидус шагнул в прихожую и по-дружески чмокнул меня в щеку.

Он выглядел похудевшим, что шло ему, лицо было покрыто ровным бронзовым загаром, который хорошо оттенялся кремовой сорочкой, видневшейся из-под пиджака его оливкового костюма.

– Проходи на кухню, – пригласила я Колю, – я уже почти готова.

Ему пришлось прождать полчаса, но он сам виноват. Я никак не могла предположить, что он явится в костюме оливкового цвета. Мой недавно приобретенный костюмчик цвета индиго, в котором я собиралась выйти, никак с ним не вязался. Пришлось заново перебирать весь гардероб, на что я угрожала изрядное количество времени. Наконец, я остановилась на темно-розовом жакете, такой же юбке и розово-серой шелковой блузке. Надев туфли на высоком каблуке, я посмотрела на себя в зеркало. Я выглядела совершенно неотразимо. Это подняло и без того прекрасное настроение, и вскоре я в полном блеске предстала перед Лapidусом.

– О-ля-ля, Иванова, – на французский манер восхитился он, – ты затмишь саму виновницу торжества.

– А что, она собирается тоже присутствовать?

– Да, – кивнул Коля, поднимаясь с табурета, – ведь сегодня открытие, и вообще на вернисаже всегда бывает избранный круг приглашенных, фуршет и так далее.

– Тогда не будем задерживаться, – озабоченно произнесла я, – а то придем к шапочному разбору.

Так как на выставке предполагалась выпивка, Лapidус предусмотрительно оставил машину на стоянке. Я иногда позволяла себе садиться за руль слегка подшофе, но без необходимости предпочитала не рисковать. Мы прекрасно добрались на такси, тем более что выставочный зал музея располагался совсем недалеко от моего дома. По дороге Коля, который сидел рядом со мной на заднем сиденье, все пытался положить руку на мое колено, но я безжалостно пресекала эти его попытки.

– Как тебе удалось получить пригласительный, – попыталась я его отвлечь, – ведь, как я понимаю, сегодня выставка будет открыта не для всех?

– У меня приятель – журналист местной газеты, – пыхтя ответил Лapidус, – должен был идти он, но его срочно отправили в командировку, вот он и отдал свой пригласительный мне. А вообще, Иванова, оставила бы ты свои детективные замашки хотя бы на время.

– Не могу, Коля, – усмехнулась я, – это уже стало моей натурой.

– Да, – вздохнул Николай, – от тебя ничего не скроешь, даже если сильно постараться. Тяжело придется твоему будущему мужу.

– Не расстраивайся, – успокоила я его с улыбкой, – тебе это не грозит.

– Я вообще больше никогда не женюсь, – Лapidус сделал вид, что обиделся, – хватит с меня.

– У тебя всего два штампа в паспорте, – рассмеялась я, – можно сказать, все впереди. У меня, например, есть один знакомый, так у него было семь официальных жен, в разное время, разумеется, и со всеми он был счастлив.

Коля только молча вздохнул в ответ на мои слова.

* * *

Металлоискателя у стоявшего на входе в выставочный зал милиционера в бронежилете не было, поэтому он только заглянул мне в сумочку, не рискнув обыскивать. Я мило ему улыбнулась, и вскоре, поднявшись по широкой лестнице на второй этаж, мы уже входили в помещение, где собственно и была организована выставка. Народу было относительно немного, но в основном это были люди в городе довольно известные. Я узнала кое-кого из журналистов; какие-то мужчины с пивными животами, скорее всего депутаты, несколько женщин в безвкусовых платьях, видимо, жены этих самых депутатов, о чем-то негромко переговаривались, держа в руках бокалы с шампанским. В двух молодых людях с барсетками в руках я определила представителей разбогатевших за годы постперестроечной смуты дельцов. Оба были в пиджаках малинового цвета. Один из них был настолько крупный, что под ручку барсетки пролезали

только три его пальца. В конце зала я заметила еще одного человека в малиновом пиджаке, но, к моему удивлению, этот лысоватый мужчина оказался солистом нашего оперного театра.

Я наконец бросила взгляд на стены, где были развешены работы заграничной знаменитости. Их было около двух дюжин.

– Пошли, – Лapidус, видимо, тоже освоился и увлек меня к картинам.

Честно говоря, работы меня не поразили, я ожидала большего. Все полотна были небольшого размера и выполнены в разной манере, хотя что-то неуловимо общее их и объединяло.

Подошедший с подносом официант предложил нам шампанское. Мы взяли бокалы и продолжили осмотр. Коля по каждой работе высказывал свое мнение, с которым я не торопилась соглашаться. Я потягивала отличное шампанское и рассеянно слушала Колин треп, по старой привычке не забывая изредка поглядывать по сторонам. Мы еще не осмотрели и половины экспозиции, когда я заметила, что в дальнем конце зала появилась небольшая группа людей. Навстречу им сразу же бросились журналисты и фоторепортеры.

– Вон она, – Лapidус дернул меня за рукав, – Эльвира Левицки.

– Вижу, – я спокойно высвободила руку. – А кто это с ней, какое-то знакомое лицо?

– Господи, Иванова, ты что, телевизор не смотришь? – Лapidус, как мне показалось, сильно удивился.

– Смотрю иногда, – пожала я плечами.

– Это ее дочь, – чуть громче, чем нужно, сказал Коля, – Вероника Дюкина – ведущая программы новостей.

– Понятно, – вспомнила я лицо, которое несколько раз видела по телевизору.

Надо сказать, что на экране она была совершенно другой, все-таки телекамера не совсем точно передает изображение. А может, у нее просто была другая прическа?

Дюкина имела озабоченный, если не сказать растерянный вид. В ее лице было что-то щемящее детское и неуверенное. Широко распахнутые глаза смотрели как-то настороженно и покинуто, скуластое лицо придавало ее облику что-то мальчишески-угловатое, как, впрочем, и острые ключицы и немного нескладная фигура. Она была миловидна, но по сравнению со своей матерью выглядела простушкой. Мадам Левицки покоряла царственной осанкой, независимым видом, гордой посадкой головы, не говоря уж о замечательно красивом лице, которому морщины придавали даже какой-то шарм, заставляя думать, что перед вами не просто прекрасная, но умудренная жизнью женщина.

– Значит, – спросила я, – этот лысоватый смазливый мужик, который трется там вместе с ними, Альберт Дюкин?

– Да, – Лapidус понизил голос, – владелец телеканала ТТС и по совместительству муж Вероники.

– Но он, кажется, намного старше своей жены, это так?

– Зато у него много денег, – отмахнулся Николай.

Я повнимательнее присмотрелась к Дюкину. Не каждый день видишь вот так рядом заправил телеканалов. Чуть полноватый, среднего роста, он впечатлял своей размеренно-танцующей походкой и манерой держаться. В последней было столько же важности, сколько и игривого пренебрежения, граничащего с кокетством. Живые карие глаза смотрели с ироническим прищуром, губы постоянно растягивались в ничего не обещающую, но полную смешливого лукавства улыбку, прямой крупноватый нос, казалось, к чему-то принохивался, черные брови беспрестанно двигались, то сходясь на переносице, то прыгая вверх, то причудливо выгибаясь, и тогда вся его холеная, немного оплывшая физиономия светилась чисто женским жеманством.

– Если бы не лысина, его можно было бы смело назвать героем-любовником, – насмешливо прокомментировала я.

– По-твоему, герой-любовник и лысина – несовместимые понятия? – с ноткой раздраженного несогласия в голосе спросил Коля.

– Для меня – да, – самоуверенно заявила я.

Как будто услышав меня, Дюкин посмотрел в мою сторону. Потом отвел взгляд, поправил бордовый шейный платок и, заложив руки за спину, уставился в средиземноморский пейзаж, чьи кричащие краски больно били по глазам. Картина была выполнена в старой авангардистской манере Левицки. Потом взгляд Дюкина скользнул по улыбающемуся лицу своей талантливой родственницы и остановился на нем. Мадам Левицки что-то оживленно рассказывала. Как только она прервала повествование, которому вся эта любопытная свита, состоящая из коллег, журналистов и фотокорреспондентов, с почтительным трепетом внимала, Коля, закусив удила, кинулся к ней с рекламным проспектом в руке. Словно заразившись его энергией, остальные тоже поспешили к Эльвире Левицки.

Окруженная толпой поклонников, она исчезла из моего поля зрения. Я прошла в другой зал, где мирно дремали копия роденовской «Вечной весны» и тусклые полотна фламандцев. Села на кожаный диванчик и принялась рассматривать охотничий натюрморт. Почему-то меня успокаивали и мертвая плоть убитых птиц, и кувшины с вином в плетенках. В соседнем зале было слишком много «жизни», вот мне и захотелось почти кладбищенского покоя. Жаль, что нельзя было закурить! Посидев эдак минут пятнадцать, я вернулась в стихию прогорклого авангарда мадам Левицки.

– Господа! – обратилась к толпе сухопарая дама в наглухо застегнутом пиджаке, стоящая у невысокого столика, на котором были разложены альбомы в цветных глянцевых суперобложках. – Имею честь представить вам новый альбом с репродукциями картин госпожи Левицки.

Помпа, с которой «синий чулок» предлагала приобрести репродукции Левицки, настроила меня на отчужденно-воинственный лад.

– Ты не купишь? – услышала я у самого уха голос Кольки.

Я только пожала плечами, сдерживая злобную усмешку. Упоенный заморским авангардом под русским соусом, Коля не заметил моего движения. Наблюдению за ажиотажем у столика я предпочла одинокую прогулку вдоль увешенной картинами стены. Столик с разложенными на нем альбомами репродукций, бесспорно, вызывал в душах преданных поклонников мадам Левицки тот священный трепет, какой у участников спиритического сеанса вызывает вращающийся стол, сидя за которым, они чают свидания с душами умерших. Пока вся эта толпа лихорадочно скупала альбомы, я с умным и, что главное, независимым видом пялилась на очередной пейзаж.

– Вот, посмотри, здесь таких работ нет, – окинул Коля взглядом помещение, – что-то ты совсем скисла.

Невесть откуда снова появившийся за моим плечом, озаренный светом искусства, Коля разглядывал репродукции с каким-то страстным ожесточением. Страницы так и мелькали у него под руками.

– Дай-ка посмотреть, – я принялась лениво перелистывать альбом. – Да-а, это нечто другое. Если бы мне сказали, что это написано Левицки, я бы не поверила!

Картины действительно были так непохожи на те, что висели на стенах, что я засомневалась в правильности того сурового приговора, который вынесла искусству заморской дивы. Здесь было много общего с творчеством постимпрессионистов. Тонкое мастерство рисунка сочеталось со смелыми цветовыми и композиционными решениями, благодаря чему достигалась чудесная гармония.

– Да, это стоит купить! – обрадовалась я.

С альбомом под мышкой я вышла из выставочного зала. Коля остался еще на какое-то время потусоваться. Перед тем как расстаться, он поведал мне, что «синий чулок» – не кто иная, как секретарь и компаньонка Эльвиры Левицки. Я прошла насчет ее недоступно-гор-

деливого вида, на что Коля возразил, что, мол, именно такой головастой стерве и стоит доверять свои дела. Я снова пожала плечами и поспешила к выходу.

ГЛАВА 2

Спустя два дня мой сон был потревожен телефонным звонком.

– Да, – я протянула руку к лежащей на тумбочке трубке.

– Здравствуйте, – раздался незнакомый мужской голос, – вы Татьяна Иванова?

– Да, – я судорожно зевнула и взглянула на часы: половина девятого.

– У меня к вам дело, – без обиняков сказал абонент, – мне нужны ваши услуги. Меня зовут Степан Федорович...

– Очень приятно, – не без иронии ответила я – решительный тон собеседника казался мне не очень подходящим для такого раннего часа. – Что у вас за дело?

– Это не телефонный разговор, – довольно резко произнес Степан Федорович, – приезжайте ко мне. Я дам вам адрес...

Да что он себе позволяет – звонит в такое время да еще не просит, а прямо-таки требует, чтобы я приехала к нему!

– А сами вы не...

– Нет, – нагло перебил меня Степан Федорович, и я поняла, что этот человек привык командовать. – Вы получите хорошие деньги, если выполните то, о чем я вас прошу. Приезжайте прямо сейчас.

Его тон стал еще более требовательным и официальным. Скажу честно, такое отсутствие такта и элементарных представлений о вежливости и уважении – я же самый крутой сыщик в городе, черт возьми! – заинтриговало и раззадорило меня. А правда, почему бы не съездить к этому упертому нахалу и не поглядеть в его бессовестные глаза?

– Диктуйте адрес, – сухо сказала я.

Положив трубку на аппарат, я поднялась и, не одеваясь, достала из ящичка стола замшевый мешочек с додекаэдрами с цифрами на каждой грани, с которыми я советуюсь по любому поводу. Для кого-то это прозвучит не слишком убедительно, но я в это верю и на практике проверила правдивость их предсказаний. Я вытряхнула гадальные кости на ладонь и, сконцентрировавшись, насколько мне это позволяло не вполне бодрое самочувствие, метнула их на стол. На этот раз выпали числа 27+12+20. У меня феноменальная память, и многие толкования я помню наизусть, но все же решила заглянуть в толковник, чтобы не ошибиться. Там я прочла: «Возможно, вы получите неожиданно большую прибыль в каком-то деле».

«Вот как? – улыбнулась я. – Уж не связана ли эта большая прибыль с моим предстоящим визитом?»

Не знаю, как вам, а мне деньги никогда не мешают. Наоборот, благодаря им я могу позволить себе довольно сносное существование. Одна беда – деньги слишком быстро кончаются. Казалось бы, только пару недель назад у меня было небольшое дельце, на котором я заработала что-то около тысячи баксов. И ведь почти никуда их не тратила. Так, купила какую-то ерунду: духи, новый осенний костюмчик да пару туфель, ну, поужинала раза три в ресторане, а денег уже почти не осталось. Придется тащиться к этому потенциальному заказчику, возможно, он подкинет какую-нибудь работенку, чтобы я не умерла с голоду.

Приняв наскоро душ, я оделась и, выпив чашку кофе, вышла из квартиры. На мне были легкий пиджак, сшитый на заказ – специально для наплечной кобуры с «макаровым», брюки и удобные туфли на среднем каблуке. Под пиджак я надела кофточку с глубоким треугольным вырезом. Ее темно-синий цвет выгодно оттенял светлый костюм. В сумку я на всякий случай сложила все мои прибаамбасы: удавку, иглу со снотворным, гадальные кости и прочее.

Моя «девятка» скучала во дворе. Ветер без устали трепал листву, солнце ткало на ней быстрые золотистые узоры, щебетали птицы, но все-таки уже чувствовалась осень. Утренний воздух бодрил, днем становилось тепло, но температура не поднималась выше двадцати. Я

мысленно содрогнулась перед перспективой дождей и снега. Где-то я прочла, что наибольшее число депрессий случается зимой. Есть даже такой термин: сезонная депрессия. У людей начинает мутиться в голове, что ж, в это я охотно верила, потому что в конце зимы, где-то в феврале, сама сходила с ума, с нетерпением ожидая весны и лета.

Степан Федорович заставил меня на время забыть все мои сезонные думы, оглушив меня с порога своей претенциозностью и невоспитанностью.

– Садитесь, – буркнул он, усаживаясь в бархатное кресло напротив, – у меня горе, – он опустил свои темные глаза, – моего сына убили. Я хочу, чтобы вы нашли его убийцу.

Я кашлянула, прочищая горло.

– Так вы беретесь? – с недовольным видом спросил Степан Федорович.

«Резво начал», – усмехнулась я про себя такой прямолинейности.

– Мои расценки вам известны?

Он быстро кивнул и с упрямым видом продолжил:

– Премияльные – две тысячи долларов, если найдете этого негодяя.

– Для начала я хотела бы ознакомиться с обстоятельствами дела...

Обстановка квартиры, тяжеловесно-богатая, в стиле ретро, прислуга, маленькая полненькая дамочка предпенсионного возраста, да и сам хозяин – все свидетельствовало о том, что меня занесло к кому-то власть предержащему или некогда предержавшему. Почтенный возраст старика склонял меня к мысли, что второй вариант наиболее вероятен.

Выдержанная в строгих коричнево-изумрудных тонах гостиная выглядела весьма мрачно, под стать хозяину. Он принял меня в костюме, но без галстука. Он предложил пройти в кабинет, но я сказала, что в гостиной мне будет удобнее. Этот дом не пробуждал во мне страсти к ознакомлению с его обстановкой.

Степан Федорович был седоволосым тучным стариком с двойным подбородком, одутловатым лицом и энергичными жестами. К моему удивлению, он не страдал одышкой и нес, если можно так сказать, свою полноту легко и свободно. Его карие глаза смотрели зорко и пронизательно. Точно два бурава, бесшумно сверлящие ваши внутренности. Едва это сравнение пришло мне в голову, как у меня неприятно засосало под ложечкой.

– Роза Григорьевна, – позвал он домработницу, – сделайте нам чаю.

Та кивнула головой и засеменила на кухню.

– Мой сын, Дюкин Альберт Степанович, – недрогнувшим голосом, словно он читал протокол, начал свой рассказ Степан Федорович, – был убит позавчера ночью, на даче. Застрелен из своего пистолета. Двумя выстрелами...

Так, значит, передо мной отец того самого смазливового владельца телеканала, зятя Эльвиры Левицки. Как все-таки тесен мир, и как хрупка человеческая жизнь! Ведь я видела сына этого старика всего пару дней назад, такого оживленного и самоуверенного, а скоро его кости будут глотать могильные черви... А может, его кремируют? Кремация – хотя покойнику, по большому счету, все равно – кажется мне более эстетичной процедурой, нежели традиционные похороны. Мне бы хотелось, чтобы меня кремировали... Печь, жаркие языки пламени, жадно пожирающие плоть, а потом только горстка пепла в изящной урне, стена колумбария... Нужно будет составить завещание... «Что-то меня понесло не в ту сторону», – отметила я.

Я смотрела в замкнуто-властное лицо Степана Федоровича и пробовала уловить хоть что-то, отдаленно напоминающее печаль или скорбь. Я не могла назвать это лицо равнодушным, нет. Это лицо было сосредоточенным, хотя и несколько отчужденным.

– Он никому не причинил зла, – с гордым упрямством проговорил Дюкин, – я даже ума не приложу, кто это мог быть.

– Может, самоубийство? – ляпнула я.

Степан Федорович посмотрел на меня, как на глупую школьницу.

– Нет, мой сын не был ни наркоманом, ни сумасшедшим, – слабо усмехнулся он, – но у него могли быть завистники.

Он многозначительно взглянул на меня, словно напоминая, что его сын был владельцем одного из местных телеканалов.

– Как вы узнали о происшествии?

– Позвонила его жена, Вероника, – глухо сказал Дюкин, – сообщила, что Альберт поздно вечером уехал на дачу... Он остался там ночевать. Она встревожилась, потому что, когда утром позвонила ему на сотовый, его телефон оказался заблокирован. Тогда она поехала за ним. И обнаружила...

Наконец из груди Дюкина вырвался сдавленный вздох.

– Она позвонила в милицию?

– Разумеется, – мрачно ответил мой собеседник. – Она в ужасном состоянии... Лежит дома, с нею мать.

– А оружие?

– Исчезло. Экспертиза установила, что пули были выпущены из пистолета, принадлежавшего моему сыну, – Дюкин выразительно посмотрел на меня.

– Почему вдруг у вашего сына возникло желание отправиться одному на дачу?

– Вероника сказала, что они поругались. Альберт захотел побыть один, вот и отправился на дачу, – Степан Федорович покачал головой.

– А они вообще-то часто ссорились?

– Я не вникал в их семейную жизнь. Нельзя сказать, чтобы я был в восторге от выбора моего сына, но что поделаешь? В конце концов, чем она хуже той или другой женщины? – он выпятил нижнюю губу и с пренебрежительной усмешкой взглянул на меня.

– Ваш сын любил Веронику? – решила я конкретизировать вопрос.

– Наверное, – равнодушно зевнул он, – я никогда не спрашивал его. Но сами подумайте, раз женился...

– Хорошо, – перевела я дыхание, – а как обстояли дела у Альберта Степановича на работе?

– Да все вроде нормально было, – приподнял брови Дюкин, – правда, Вероника делилась со мною, что несколько раз находила в почтовом ящике письма с угрозами.

– Это уже интереснее, – оживилась я.

– Избавьте меня от вашего профессионального снобизма, – поморщился Степан Федорович.

Я немного растерялась.

– Это вовсе не снобизм, – возразила я, – а законный интерес. Я ведь собираюсь расследовать это дело... Я живой человек, а не робот.

Дюкин хранил молчание.

– Потирать руки в данном случае неуместно, – со скрытым раздражением отчетливо произнес он, – у меня погиб сын!

Вот, значит, и до патетики добрались!

– Я вам сочувствую от всего сердца, – не теряя хладнокровия, сказала я, – но мы, кажется, отвлеклись. Что это были за угрозы?

– Альберту предлагалось продать часть акций. В противном случае ему угрожали физической расправой, – нахмурился Степан Федорович.

– Как реагировал ваш сын на эти угрозы?

– Никак. Как выяснилось, с чудовищным легкомыслием, – горько усмехнулся Дюкин.

– Вы были в курсе с самого начала?

– Нет, узнал за день до вас, – мрачно посмотрел на меня Дюкин, – Альберт запретил Веронике распространяться на эту тему. Так она сказала...

– Акции перейдут в ее собственность?

Дюкин кивнул.

– И как она планирует с ними поступить? – любопытно спросила я.

– Понятия не имею. Ей сейчас не до этого, – пронзил меня своим острым взглядом Степан Федорович.

– Хорошо, я с ней поговорю. Разумеется, когда она немного придет в себя. А что за человек ваша невестка?

– Знаю точно, Альберта она любила, старалась всегда ему угодить. Порядочная женщина. Я ей не то чтобы симпатизировал...

«Да, конечно, такой жесткий человек, как вы, – обратилась я мысленно к своему собеседнику, – не способен просто симпатизировать».

– ...ну, как бы это объяснить... Я не замечал в ней каких-либо отрицательных качеств, – неуклюже закончил Дюкин.

– У них была дружная семья?

– Вполне, хотя Альберт, как мне кажется, недостаточно уделял Веронике внимания.

– В чем это выражалось?

– В разных пустяках. Иногда он приходил обедать без нее. Я, конечно, был не против... Даже наоборот... Женское общество, знаете ли...

Он тяжело вздохнул.

– Понятно, – через силу улыбнулась я, заподозрив в моем собеседнике ретрограда, – сколько лет они прожили вместе?

– Пять, – бросил Дюкин.

Домработница принесла чай. Составив с подноса две фарфоровые чашки, сахарницу, тарелочку с лимоном, сливки, она удалилась.

– Угощайтесь, – холодно произнес Степан Федорович, и мне тут же расхотелось пить чай.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила я.

Хотелось курить, но у хозяина, по-видимому, не было этой пагубной привычки, поскольку пепельница в мое поле зрения не попала. Я вынула сигарету и разминала ее пальцами, думая, стоит ли спрашивать разрешения или нет.

– Если хотите, можете курить, – заметив мою нерешительность, снисходительно произнес Степан Федорович. – Сам я давно с этим завязал и вам советую.

Он довольно легко поднялся с кресла, достал из шкафа огромную хрустальную пепельницу и поставил на столик рядом со мной. Такие пепельницы я иногда видела в правительственных кабинетах. Дюкин снова занял свое место и поднял чашку с чаем, предварительно добавив в нее сливки и сахар.

– Еще несколько вопросов, Степан Федорович, – я с удовольствием закурила. – В принципе, на первый вопрос можете не отвечать, но мне хотелось бы знать, почему вы обратились к частному сыщику, а не доверились милиции?

– Потому что мне нужен реальный результат, а не отписка, – резко ответил Дюкин, едва не расплескав содержимое чашки. – Чтобы вам, девушка, было более понятно, могу добавить, что я долго работал во властных структурах, еще до перестройки, и знаю о методах работы милиции не понаслышке. Не хочу сказать о них ничего плохого, они могут отыскать иголку в стоге сена, но для того, чтобы их раскачать, нужно приложить немало усилий. Дешевле и спокойнее для меня обратиться к частному детективу, что я и сделал. Мне посоветовали нанять вас, всячески превознося ваши способности, но я, честно говоря, не совсем уверен, что вы мне сможете помочь.

– Я к вам на работу не напрашиваюсь, – меланхолично пожала я плечами, – найдите другого сыщика.

– Нет, – категорично заявил Дюкин, – вы отыщете убийцу моего сына, или вашей карьере детектива придет конец. Во всяком случае, в нашем областном центре.

Я уже подумывала о том, чтобы послать к черту этого властного старика, возмнившего о себе невесть что, но, пока я размышляла, Дюкин добавил:

– Прошу простить за резкость, – выдал он из себя, – я все еще представляю себя в одном из больших кабинетов. У вас, кажется, были еще вопросы?

Раз он соизволил извиниться, я сделала вид, что пропустила мимо ушей его угрозы, тем более что это мне ничего не стоило.

– Давайте кое-что уточним, – как ни в чем не бывало сказала я, – вы говорите, что вашему сыну угрожали...

– Так сказала моя невестка, – сухо заметил он.

– А с сыном вы об этом не говорили?

– Я узнал об этом только после его смерти.

– Что вы почувствовали, когда узнали об угрозах?

– Не знаю, – пожал он плечами, – сейчас многим угрожают, иногда угрозы так и остаются угрозами, но, видимо, в случае с Альбертом действовали серьезные люди.

– Вы кого-нибудь подозреваете?

– Я могу только предполагать, – медленно произнес Степан Федорович, – не знаю, будет ли это вам полезно.

– Говорите, я постараюсь разобраться, – бросив окурок в пепельницу, я взяла чашку с чаем.

Дюкин немного помолчал, глядя куда-то мимо меня, а потом сказал:

– В принципе, мы с Альбертом были не слишком близки, он не всегда был со мной откровенным, но у меня, конечно, есть свои мысли. Не думаю, что у него были конкуренты как таковые, то есть люди, которым он мешал. Тем более что он не проводил на канале какой-то определенной политической линии. Я немного знаю о работе канала... со слов Альберта, ведь деньги на оборудование дал ему я, а он перед этим поделился со мной своими планами. Сначала дела шли не слишком гладко, но в дальнейшем, когда набралось достаточное количество рекламодателей, все наладилось, и Альберт возвратил мне деньги, и даже с процентами. Мне думается, что борьба могла вестись компаниями, которые давали рекламу: возможно, кого-то не устраивали расценки, кто-то мог быть не доволен выделенным временем.

– Вы могли бы назвать кого-то конкретно? – прервала его я.

– Нет, – Дюкин выпятил губы.

– Другие версии у вас есть?

– Если его смерть связана с угрозами, – задумчиво произнес Степан Федорович, – я бы мог предположить, что это были какие-то вымогатели, хотя в этом случае, я думаю, Альберт посоветовался бы со мной.

– Но он этого не сделал?

– Нет. Он вообще не говорил мне, что ему угрожают.

– Ладно, – кивнула я, – в общих чертах картина мне ясна. Дальше я буду действовать самостоятельно. Мне понадобятся телефоны и адреса ближайших родственников Альберта и его сослуживцев...

– Об этом я уже подумал, – Дюкин вынул из бокового кармана пиджака сложенный вчетверо лист бумаги. – Здесь все, что вам может пригодиться.

«Предусмотрительный дяденька», – подумала я, пробегая глазами список.

– Вот деньги, – из внутреннего кармана Дюкин достал длинный конверт, – здесь тысяча долларов.

– Если вам вздумается отказаться от моих услуг, – предупредила я его, – аванс останется у меня.

– Хорошо, хорошо, – поморщился он и махнул рукой, – только у меня есть одно условие. Вы должны мне докладывать о ходе расследования каждый вечер.

– Этого я вам обещать не могу, – покачала я головой. – У меня несколько другой стиль общения с клиентами. Иногда у меня просто не бывает времени на звонки.

– Тогда верните деньги, – заявил старик, – и считайте, что мы с вами никогда не встречались. Я найду другого детектива.

– Пожалуйста, – я двумя пальцами положила конверт с деньгами на стол, хотя, видит бог, сделать мне это было нелегко. – Прощайте, – пружинисто поднявшись с кресла, я направилась к выходу.

Дюкин нагнал меня у самой двери. К моему удивлению, я заметила на его лице довольную улыбку.

– Возьмите, – он почти насильно впихнул конверт мне в руки. – Делайте, как знаете. Теперь я почти уверен, что вы найдете убийцу Альберта. С таким горячим характером на полпути не останавливаются. Если бы мне скинуть лет пятнадцать, я бы приударил за вами.

– Пожалуй, я бы ответила на ваши ухаживания, – усмехнулась я в ответ, – если бы была на столько же лет старше.

– У вас еще все впереди, – не остался он в долгу.

Честно говоря, этот старик начинал мне нравиться.

– Вот номер моего мобильного, – я достала из кармана визитку.

– Я его знаю, – Степан Федорович визитку все-таки взял. – Я жду конкретных результатов.

– Вы получите подробный отчет о проделанной работе, – я открыла дверь и вышла на лестничную площадку.

ГЛАВА 3

Нет, интересная все-таки у меня работа! Одни заказчики чего стоят! Мне не впервой приходилось общаться с такими вот заносчивыми, но по-своему обаятельными людьми. В кармане у меня мирно покоился заветный конверт.

Сев в машину, я закурила, дабы спокойно оценить ситуацию. Первым делом я решила нанести визит жене Дюкина, несмотря на ее тяжелое душевное состояние. Она работает на канале, принадлежавшем мужу, а потому я могла раздобыть у нее кое-какую информацию относительно возможных конкурентов Альберта Степановича.

По улицам гулял вольный осенний ветер, солнце не уставало шлифовать все еще зеленую листву, и это как нельзя лучше соответствовало тому радостному настрою, который моя скромность упорно отказывалась относить на счет полученного аванса.

Дюкины жили в элитном четырехэтажном доме на улице Некрасова. Фасад этого претенциозного здания украшали два ряда колонн, ко входу вела выполненная «под старину» лестница с внушительными балясинами, в холле сидел охранник, который, впрочем, не отличался ни любезностью, ни благообразием. Равнодушно узнав, к кому я направляюсь, он позвонил в квартиру Дюкиных. На всякий случай я достала из кармана лицензию частного детектива.

– Вероника Сергеевна, к вам тут посетительница. Детектив Татьяна Иванова...

Я не могла слышать, что ему отвечает Дюкина, поэтому мне пришлось удовольствоваться ролью наблюдательницы. Я смотрела на этого хмурого, словно обиженного судьбой парня, на то, как он монотонно кивает в такт речи абонента, и едва сдерживала неудержимо подступающую зевоту. Выслушав очередную фразу, он передал мне трубку.

– Татьяна... – отрывисто произнесла госпожа Дюкина.

– ...Александровна, – помогла я ей, видя, что она испытывает трудности с тем, как обратиться ко мне.

– К сожалению, я не могу вас сейчас принять...

Эту фразу она проговорила виновато-досадливым тоном.

– Я не одна, и потом... – Дюкина вздохнула и глухо всхлипнула.

– Я все понимаю и глубоко сочувствую вам, – перешла я в мягкое наступление, – но и вы меня поймите! Меня нанял ваш свекор, он крайне заинтересован в том, чтобы я нашла убийцу Альберта Степановича. Малейшая проволочка может сыграть на руку злодеям...

Последнее слово представилось мне удачной театральной находкой, и я еще раз поздравила себя с филологическим чутьем, данным мне от природы и развитым благодаря чтению хороших книг.

– Послушайте, – на этот раз в голосе Дюкиной слышалось раздражение, – приезжайте завтра. Я буду дома... Ах, нет, завтра же похороны... – она снова осеклась.

– Вот видите, – не отступала я, – завтра вы тоже не можете. Не хочу показаться вам навязчивой или бесчувственной, но я настаиваю на встрече. Вы же хотите, чтобы убийца Альберта Степановича понес заслуженное наказание, – я поморщилась, произнеся эту затертую фразу. – Я не отниму у вас много времени, обещаю вам.

– Хорошо, – плаксиво выдохнула Вероника Сергеевна, – квартира девять. Передайте трубку охраннику.

Я вернула трубку с чувством облегчения.

Охранник приковал ко мне взгляд. На его тонких невыразительных губах застыла кривая усмешка. Подождав, пока Дюкина даст ему соответствующее распоряжение, я спросила:

– Я пройду?

Он холодно кивнул и занял свое место у стола, предварительно показав глазами на лифт. Я поблагодарила и нажала на темную кнопку, которая тут же загорелась.

Выйдя из лифта, я оказалась в просторном, увешенном кашпо с комнатными растениями холле, через огромное окно которого струился приглушенный бежевыми занавесками свет. Коричневый кожаный диван и пара кресел образовывали что-то вроде уголка отдыха на случай, если вдруг жильцы этого роскошного дома почувствуют внезапную слабость и дрожь в ногах. Я усмехнулась про себя этой мысли.

«Живущие в таких домах люди имеют немалые доходы, а где большие деньги, – нашептывал мне инстинкт, – там и преступления». Конечно, они, эти люди, могут исправно платить налоги, быть более-менее благонадежными и осторожными гражданами, но моя фантазия рисовала вереницы сменяющих друг друга хозяев тутошних квартир, неустанно валящихся на диваны после бесплодных попыток дрожащими руками извлечь ключи из своих туго набитых барсеток или изобилующих долларами и кредитными карточками карманов.

Я уже совсем было увлеклась этой фантазмагорией, как ноги сами донесли меня до девятой квартиры. Я нажала на звонок, и дверь, как по мановению волшебной палочки, тут же открылась. Но вместо ожидаемой мною Вероники Сергеевны на пороге я увидела высокую подтянутую женщину в строгом черном костюме, великолепно сидящем на ее точеной фигуре. Это была сама Эльвира Левицки. Да и что здесь удивительного? С ее дочерью случилось такое несчастье! Кому, как не матери, в первую очередь утешать свою дочь?

– Добрый день, – вполголоса сказала я, чувствуя волнение, – я та самая Татьяна Иванова, что так настойчиво добивалась свидания с вашей дочерью.

Мадам Левицки смерила меня снисходительным взглядом и кивнула, уступая мне дорогу.

– Дочь в ванной, – произнесла она немного в нос, – вам придется подождать.

Держалась она замечательно, с патрицианской холодностью, не исключавшей определенной любезности. Заученно-скупая улыбка растягивала ее сочные, накрашенные темно-красной помадой губы. Цвет помады еще больше оттенял белизну ее лица.

Следуя за этой несловоохотливой леди, я вошла в просторную гостиную, прямыми контурами кресел и отсутствием каких бы то ни было намеков на уют напоминающую заново отремонтированный офис. Светло-серый ковер, застилавший весь пол, казался невозможно чистым, прямо-таки стерильным. Овальная стеклянная столешница журнального столика, впрочем, была оживлена керамической вазой. В вазе пристойно грустили желтые хризантемы. Кроме того, на столе возвышалась изящная черная статуэтка.

Внимая приглашающему жесту госпожи Левицки, я села в белое кожаное кресло, очень неудобное, но красивое, с блестящими хромированными подлокотниками, крутая изогнутость которых не оставляла никаких надежд на их функциональное использование.

– Хочу вас сразу предупредить, – Эльвира Левицки села напротив меня, на такой же неудобный, как и кресло, белый диван, – моя дочь немного не в себе.

– Я понимаю...

– Вы застали ее врасплох. Она побежала в ванную приводить себя в порядок. Такое горе... – Левицки опустила глаза и с жалостливым выражением на лице покачала головой.

– Я была на вашей выставке, – попыталась я разрядить скорбную атмосферу.

– Я видела вас, – слабо улынулась художница, – вы были с молодым человеком в ужасном оливковом костюме.

Она улыбнулась шире, обнажив ровные крупные зубы.

– Никогда бы не подумала, что такая знаменитость, как вы, интересуется простыми смертными, – решила я ей немного польстить в целях дела. – Я купила альбом с вашими репродукциями.

– Я обратила на вас внимание не только потому, что у вас яркая внешность, – возразила Левицки, – я видела, что вам моя выставка не нравится. Я угадала?

– Мне куда больше понравился альбом, – честно призналась я, – он пробудил во мне ностальгию по настоящей живописи, которую видишь нынче только в музеях.

– Напрасно вы так думаете, – улыбка, подобно капризному блику, скользнула по ее бледному лицу, – в Тарасове, я уж не говорю о европейских городах, есть талантливые художники. Вас может раздражать их манера, но это не значит, что они лишены дарования, – довольно категорично высказалась она.

– Не берусь с вами спорить, – дипломатично улыbnулась я, – меня, как это ни прискорбно звучит, привела к вам не живопись, а известные вам трагические обстоятельства.

– Вы пришли не ко мне, – снисходительно поправила меня Левицки, – а к моей дочери.

– Я даже не догадывалась, что мать Вероники Дюкиной такая знаменитость, – я посмотрела ей в глаза, она немного смутилась.

– Да, мы не афишировали нашего родства... – она поднялась, грациозно продефилировала к кушетке, взяла с нее изящную металлическую пепельницу, золотую зажигалку с выгравированными буквами «Cartier», пачку «More» и вернулась на диван. – Вы курите?

Я кивнула и достала из сумочки «Кэмел». Мы закурили. Левицки щурилась от дыма, и эта обычная, свойственная курильщикам гримаса являлась дополнительным штрихом к ее незаурядной внешности. Томная небрежность, читавшаяся на ее не столько красивом, сколько породистом лице, застывала и, словно окаменев, превращалась в горделивое презрение, отрешенность приобретала жесткий оттенок непримиримой замкнутости, прикрытые веки и трепещущие ноздри по-иному высвечивали твердую линию подбородка и губы, придавая ее лицу что-то одновременно статичное и живоотно-брезгливое.

– Вероника жила здесь, а я – там. Мы переписывались, но о своих сердечных делах молчали. Ну, вы понимаете, – одарила она меня выразительным взглядом, – хотите верьте, хотите нет, я даже не догадывалась, за кого моя дочь вышла замуж.

– Неужели? – недоверчиво воскликнула я.

– Я и понятия не имела, что она носит фамилию директора местного телеканала. Я писала на конверте ее девичью фамилию... Знала, что она диктор... – Левицки как-то горько усмехнулась, – но то, что она вышла замуж за сына старого функционера, этого я не знала. Она мне, конечно, сообщила, что выходит замуж, но за кого – я не спрашивала. Она меня даже на свадьбу приглашала, но сами понимаете, с моей занятостью... – ее густо накрашенные ресницы кокетливо вспорхнули, – со всеми этими выставками, приемами... Да и потом, Ника всегда была скрытной, замкнутой. Не знаю, мое ли это упущение...

Левицки тяжело вздохнула.

– Вам кажутся странными такие отношения между матерью и дочерью, ведь правда? – продолжила она, эффектно выпустив дым к потолку. – Но я, – она улыbnулась, – смею сказать, не обычная мать. И потом, мне меньше всего хотелось подавлять дочь, закабалить ее, навязывать ей свою волю. Да, Вероника немного сердилась на меня, но теперь у нас все будет по-другому. Нет, не думайте, что смерть Альберта что-то изменила в наших отношениях. Я говорю сейчас не о ней, не о нашей горе, – она гордо взглянула на меня, – просто когда я прилетела, когда встретила с Никой, мы... мы... – ее губы дрогнули, – простили друг друга. И если бы не эта трагическая нелепость!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.